

С тех пор как Инь Минчжэн закончил разговор с Чжао Мяомяо, Ши Цин больше не позволял себе никаких вольностей и тихо сидел в объятиях мужчины.

Ощувив лёгкое шевеление, Инь Минчжэн опустил взгляд и увидел, как юноша, вероятно, терзаемый совестью, легонько потирал то место, которое сам же только что ущипнул. При этом он продолжал притворяться спящим, плотно сомкнув веки.

На губах мужчины сама собой появилась лёгкая улыбка. Не став разоблачать его маленький спектакль, он молча понёс юношу обратно.

Характер Ши Цина был для Инь Минчжэна предельно ясен. Он был прямолинеен и понятен, иногда прибегал к невинным хитростям, но совершенно не умел их скрывать.

И действительно, стоило положить его на мягкую кровать, как только что «спавший» юноша тут же оживился. словно новорождённый дракончик, демонстрирующий свою чешую, он принялся кататься по простыням, капризно требуя, чтобы Инь Минчжэн, собиравшийся в душ, остался с ним.

Сегодня Инь Минчжэн инспектировал три внешних кольца ограждений базы. Всего их было восемнадцать, одно за другим, чтобы даже проникший внутрь низкоуровневый инсектоид с его примитивным интеллектом оказался в ловушке. Солдаты, круглосуточно наблюдавшие за ограждениями, сообщали, когда инсектоидов скапливалось достаточно, и запрашивали отряд для зачистки.

В последнее время Инь Минчжэн чувствовал, как его духовная сила значительно возросла, а вместе с ней и мощь его способностей. Сегодня он решил испытать их на тех самых низкоуровневых инсектоидах, что пытались прорваться.

Уничтожение инсектоидов — работа не из лёгких. Хоть он и не подпускал тварей близко, но всё равно вспотел. Раньше, живя один, он мог бы просто махнуть на это рукой и лечь спать, отложив душ на утро. Но теперь в его постели обитал маленький леопард, который сам любил чистоту и требовал её от других. Так что о том, чтобы стерпеть, не могло быть и речи.

Пришлось сначала успокоить ластящегося и карабкающегося на него зверька, пообещав вернуться сразу после душа.

Пока мужчина был в ванной, Ши Цин, словно глупыш, самозабвенно катался по кровати и нарочито капризным, певучим голосом звал его:

— Минчжэн, ну скорее, я спать хочу!

— Я голоден! Ты ещё не закончил?

Это был особый способ Ши Цина проявлять свою привязанность. Он мог уснуть, просто закрыв глаза, мог взять еду с тумбочки, но нет — ему непременно нужно было, чтобы Инь Минчжэн убаюкал его и покормил с рук.

Подгоняемый этими нежными понуканиями, Инь Минчжэн мылся быстрее. Внезапно он заметил, что жалобное ворчание, не смолкавшее с самого его возвращения, прекратилось.

Мужчина на мгновение замер, выключил воду и уже собирался, накинув полотенце, выйти и проверить, в чём дело.

— Ш-ш-ш!

Занавеска резко отдёрнулась.

В проёме показалась голова юноши с прекрасными серебристо-белыми глазами, которые так и сияли.

— Минчжэн, давай мыться вместе!

Инь Минчжэну потребовалась доля секунды на раздумья и ещё одна, чтобы с молниеносной скоростью, которой он никогда прежде не достигал, сорвать с крючка полотенце и обернуть его вокруг бёдер.

Юноша, казалось, был озадачен его стремительными действиями. Он склонил голову набок и растерянно спросил:

— Что-то не так?

Мужчина опустил голову, скрывая мгновенно вспыхнувшие уши, и, запинаясь, пробормотал:

— Я... я уже закончил. Можешь... можешь мыться.

С этими словами он, всё так же неловко придерживая полотенце, выскользнул из ванной.

Ши Цин остался стоять на месте, растерянно глядя ему вслед.

[Спорю, он использовал свою способность. Слишком уж быстро он убежал.]

Система была в полном недоумении:

[Вы уже целовались и обнимались, почему он так себя ведёт?]

Хоть она и видела лишь «мозаику», но, сопоставив факты, вполне могла понять, что происходит.

[Разве ты не видишь? Все эти поцелуи и объятия — лишь способ меня успокоить. Пока не дошло до дела, он будет пытаться меня оттолкнуть.]

[...] — система была в шоке. Её голос сорвался на визг: [Даже так он хочет тебя оттолкнуть? Вы же каждый день... эта «мозаика»... Чтобы вынести это, я целыми днями читаю «Дао Дэ Цзин»! Я его уже наизусть выучила!]

[Ты и так не человек, тебе достаточно одного прочтения, чтобы запомнить.]

Системе было нечего возразить.

Но она тут же начала снова причитать:

[...Но если он оттолкнёт носителя, что будет с вашей степенью отторжения? Степень отторжения одного человека к другому очень трудно предсказать. Пятьдесят процентов — это стандартное отношение к незнакомцу на улице. Если вы расстанетесь и больше не будете... «замазаны мозаикой», то через два-три года кто знает, не начнёт ли он внезапно вас отторгать? Даже если это продлится всего секунду, этого будет достаточно, чтобы нас без всякого защитного периода выбросило из этого мира.]

Ши Цин неторопливо начал намыливаться.

[Снижения до уровня незнакомца недостаточно. Нужно достичь абсолютной безопасности. И вообще, почему вы называете это «снижением отторжения»? Сказали бы прямо — «повышение симпатии».]

Система, глядя на экран, заполненный «мозаикой», промямлила:

[Таковы правила сверху, я не могу самовольно менять терминологию...]

[Носитель, вы с Инь Минчжэном уже дошли до такого, а он действительно собирается вас бросить? Он не боится, что вы расстроитесь?]

[Мои чувства — последнее, что его волнует.] — Ши Цин закончил намыливаться и, сложив

ладони, выдул большой мыльный пузырь. — [Видишь? Наши с Инь Минчжэном отношения сейчас — как этот мыльный пузырь. С виду переливается всеми цветами радуги, красивый донельзя, а на деле...]

Он протянул тонкий белый палец и легонько коснулся пузыря.

Тот беззвучно лопнул.

[Если бы я не цеплялся за него, не лип к нему, ты думаешь, он бы так ко мне относился? Не смотри, что он кажется добрым и покладистым. На самом деле, его способность отталкивать людей втрое выше, чем у обычного человека.]

Система, не видевшая ничего, кроме «мозаики», пробормотала:

[...Тогда что делать?]

[Действовать по обстоятельствам. Что ещё остаётся? Я думал, ты всё понял ещё на корабле, когда он обманом заставил меня установить это сердце.]

[Что понял?] — растерянно спросила система.

[Ты не заметил, что его отношение ко мне тогда, когда он меня уговаривал, и сейчас — абсолютно одинаковое? Просто тогда он откровенно врал, а сейчас в его чувствах есть капля искренности.]

[Кстати, напоминаю: даже эта нынешняя искренность в глазах Инь Минчжэна — всего лишь чувство вины и ответственности. Это как если бы ты на улице случайно наступил на лапку котёнку и, жалея его, забрал домой, чтобы заботливо выхаживать.]

Закончив, Ши Цин добавил с неподдельным удивлением в голосе:

[Я смотрю, ты притих в последние дни. Думал, ты всё осознал. А ты, оказывается, такой наивный. Просто прелесть, что такое.]

[...]

Так значит, она всё это время наблюдала за тем, как носитель и его цель утопают в медовой патоке, терпела бесконечную «мозаику» и переживала, что носитель влюбится по-настоящему...

А они оба, оказывается, играли?

Ши Цин смыл с себя пену.

[Ой, я, кажется, забыл взять полотенце.]

Система впала в ступор:

[Он обманывал носителя... Он обманывал носителя...]

[Цыц, — цыкнул Ши Цин, — невелика беда. Мясом не отвалюсь, зато удовольствие получил.]

[Обманывал носителя...]

[Всё, иди читай свой «Дао Дэ Цзин».]

Успокоив систему, которая, казалось, заблудилась в лабиринтах собственных мыслей, Ши Цин отдёрнул занавеску и крикнул наружу, растягивая слова:

— Минчжэн, я не взял полотенце.

Инь Минчжэн как раз вытирал волосы. Услышав слова юноши, он на мгновение замер, затем встал, нашёл для него полотенце и, подойдя к ванной, чтобы передать его, увидел, что Ши Цин уже отодвинул занавеску и беззаботно улыбается ему.

Инь Минчжэн: «...»

Он тут же опустил взгляд и протянул полотенце.

Как только юноша забрал его, герой человечества с невозмутимым видом развернулся и покинул ванную.

Но, сев на кровать, он уже не мог заставить себя продолжить вытирать волосы.

Изначально Инь Минчжэн хотел лишь удержать Ши Цина, чтобы тот сгоряча не утащил его обратно на корабль. Ему удалось сбежать лишь благодаря доверию юноши. Если его вернут, второго шанса уже не будет.

Конечно, самым простым решением было бы убить Ши Цина.

Но Инь Минчжэн не мог.

Ни наивный, доверчивый, детский вид Ши Цина, ни его искренняя и чистая преданность не позволяли ему поднять руку.

Но Ши Цин не желал от него отступить, а обращаться с ним так же холодно, как с Чжао Мяомяо, он не решался. Если бы он так поступил, Ши Цин, со свойственным ему характером, наверняка бы расплакался от обиды, призвал своих подчинённых, связал его по рукам и ногам и уволок на корабль, где заставил бы его проходить «процедуры» под многотонным прессом.

Отказаться тоже было бесполезно. Инь Минчжэн уже пробовал. Юноша на словах послушно соглашался, а потом просто начинал отвлекаться сам. Даже если Инь Минчжэн его игнорировал, он мог играть так целый день.

Ни шагу вперёд, ни шагу назад.

Пока что он мог обманывать Ши Цина, ссылаясь на своё восемнадцатилетие, но теперь, когда тот оказался на базе, информация из окружающего мира неизбежно достигнет его ушей. Рано или поздно Ши Цин поймёт, как на самом деле здесь считают возраст, и его ложь раскроется.

Сегодня они поселились вместе. Он принимал душ — Ши Цин мог ворваться и увидеть его. Ши Цин принимал душ — он мог...

Образ бледной кожи промелькнул в его сознании, и уши мужчины, и без того красные, вспыхнули так, будто готовы были закапать кровью. Он с тревогой потёр мочку уха.

Ши Цин непременно узнает правду, это лишь вопрос времени.

Скорее всего, он не рассердится. Вероятнее, он просто захочет провести с Инь Минчжэном ещё более строгую «процедуру».

Но он же видит в Ши Цине лишь ребёнка...

Хотя обычные люди не проводят с детьми «процедуры».

И не проводят с ними дни напролёт в неразлучной близости.

И тем более, сделав с ребёнком почти всё, что можно и нельзя, не думают о том, как бы от него избавиться.

В этот миг, сидя на краю мягкой кровати, Инь Минчжэн ясно осознал одну вещь.

Он — мерзавец.

Нет!

Так нельзя!

Так больше продолжаться не может. Ши Цину нужен партнёр, который будет его по-настоящему любить. Инь Минчжэн признавал, что он на это не способен.

Значит, остаётся лишь одно — найти для Ши Цина на базе кого-то более подходящего.

На следующее утро, пока Ши Цин ещё сладко спал в своей постели, Инь Минчжэн уже был на ногах.

— Ши Цин... Ши Цин, просыпайся.

Он нежно и осторожно разбудил спящего юношу. Когда Ши Цин, сонный и растерянный, сел и, протирая глаза, посмотрел на него, Инь Минчжэн на мгновение почувствовал укол совести, но тут же вернул себе невозмутимое выражение лица.

— Ты помнишь того парня со способностями, который вчера тебе помог? Его зовут Чэн Цзюнь.

Ши Цин сонно покачал головой.

— Не помню, — пробормотал он мягким голосом.

А в сознании:

[Ещё как помню! Симпатичный парень в кепке, глаза большие, нос прямой, улыбка солнечная и застенчивая. Жаль, молоденький совсем.]

Инь Минчжэн погладил юношу по голове и ласково сказал:

— Мне нужно на несколько дней покинуть базу, вернусь дней через пять, не раньше. Чэн Цзюнь — самый одарённый из моих подчинённых, и он твой ровесник. Побудешь пока с ним, хорошо? Он тебя защитит.

Вчера он заметил, как Чэн Цзюнь смотрит на Ши Цина. Тогда он не придавал этому значения — юношеское увлечение, обычное дело. Чэн Цзюнь в десять лет остался сиротой и вырос на базе. Неудивительно, что встреча с таким прекрасным и чистым созданием, как Ши Цин, пробудила в нём какие-то чувства.

Перебрав всех возможных кандидатов — примерно одного возраста, приятной наружности, с мощными способностями и искренней симпатией к Ши Цину — он пришёл к выводу, что Чэн Цзюнь подходит лучше всех.

Ши Цин, всё ещё не до конца проснувшийся, послушно кивнул.

Хотя Инь Минчжэн и хотел, чтобы тот согласился, но, видя его столь быстрое согласие, почувствовал укол пустоты.

«Всё-таки ещё ребёнок. Лишь бы кто-то был рядом, а кто именно — неважно».

Умывшись, Инь Минчжэн отвёл Ши Цина к Чэн Цзюню.

Узнав о такой радостной новости с самого утра, Чэн Цзюнь едва сдерживал восторг. Покраснев, он то и дело украдкой поглядывал на юношу, который, прильнув к руке мужчины, дремал на ходу, и неуклюже пытался скрыть свои чувства.

— Босс, не волнуйтесь! Я обязательно позабочусь о молодом господине! Обязательно!

Инь Минчжэн, опасаясь, что его присутствие может смутить парня, кивнул:

— Да, я отношусь к Ши Цину как к родному младшему брату. Ты должен хорошо о нём заботиться.

Родному младшему брату!

Глаза Чэн Цзюня вспыхнули. Он закивал ещё энергичнее.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Я позабочусь о Ши Цине!

— Ши Цин, иди сюда.

Инь Минчжэн подвёл юношу к Чэн Цзюню.

— Побудь пока с ним, развлекайся. Деньги я перевёл тебе на счёт, покупай всё, что захочешь.

— Угу...

Ши Цин, всё ещё сонный, послушно кивнул.

Видя, что тот не выказывает ни малейшего сожаления, мужчина почувствовал лёгкую горечь.

«Вот же неблагодарный маленький поросёнок».

Впрочем, так даже лучше. Меньше будет думать о нём и сможет наладить отношения с Чэн Цзюнем.

С этой мыслью Инь Минчжэн принялся подробно инструктировать Чэн Цзюня:

— Еду для Ши Цина я уже приготовил, тебе нужно будет только приводить его в обеденное время. Ночью... ночью он может спать у тебя, но не в одной постели. И ещё, он любит гулять, ходить по магазинам. Пока меня нет, присматривай за ним, не дай ему ввязаться в конфликт с местной «золотой молодёжью», особенно с Лэ Ююанем.

Лэ Ююань был главарём местных мажоров, самым большим заводилой и смутьяном. Он всегда считал себя заклятым врагом Инь Минчжэна. Именно он устроил вечеринку в честь «гибели» героя.

Чэн Цзюнь внимательно слушал, кивая на каждое слово.

— Босс, не беспокойтесь, я буду рядом с Ши Цинем каждую секунду, не позволю и волоску упасть с его головы!

Не успели толком познакомиться, а он уже называет его «Ши Цин».

Инь Минчжэн снова почувствовал укол раздражения и засомневался в своём выборе.

Этот Чэн Цзюнь кажется каким-то ветреным, не похож на надёжного человека.

Он мысленно опровергал свои же предыдущие выводы, совершенно забыв, как ещё недавно восхищался сдержанностью и основательностью парня.

Но как бы он ни беспокоился, Инь Минчжэну всё же пришлось покинуть базу.

Он должен был дать Ши Цину возможность привыкнуть к жизни без него.

В первую ночь, не чувствуя в своих объятиях свернувшегося клубочком маленького леопарда, Инь Минчжэн не мог уснуть.

На второй день он начал сомневаться в правильности своего выбора. Чэн Цзюнь слишком молод, Ши Цин слишком наивен. Что, если они наделают глупостей...

На третий день Инь Минчжэн, не спавший две ночи подряд, стал раздражительным. Члены отряда, завидев его, боялись слова сказать, опасаясь попасть под горячую руку своему вспыльчивому, как огнедышащий дракон, командиру.

На четвёртый день Инь Минчжэн с мрачным лицом, словно не зная усталости, уничтожил всех инсектоидов в округе, а затем холодно объявил о возвращении на базу.

Водитель всю дорогу выслушивал понукания: «Быстрее, ещё быстрее». У него от напряжения выступил холодный пот, и он гнал огромный грузовик со скоростью гоночного болида. Добравшись наконец до ворот базы, он почувствовал себя совершенно опустошённым.

«Боже, у босса характер становится всё хуже».

Герой человечества выскочил из машины первым. Сжимая в руке игровую приставку, купленную для Ши Цина, он почти бегом устремился на базу.

Он должен был увидеть Ши Цина. Убедиться, что с ним всё в порядке.

А если за эти дни у него действительно что-то завязалось с Чэн Цзюнем...

Инь Минчжэн резко остановился и замер на месте на две-три минуты. Следовавшие за ним бойцы, не решаясь издать ни звука, тоже застыли как вкопанные.

Если у них действительно что-то завязалось... Ши Цину уже несколько десятков тысяч лет. И по меркам вселенной, и по меркам Голубой звезды он совершеннолетний. Он не будет вмешиваться.

Едва он пришёл к этому выводу, как перед ним, вызывающе просигналив, остановился шикарный спорткар, какие могли ездить только в пределах базы.

Би-ип!

Этот кричаще-красный автомобиль Инь Минчжэн слишком хорошо знал. Он принадлежал самому дерзкому и влиятельному представителю «золотой молодёжи» — Лэ Ююаню.

И действительно, в следующую секунду из машины донёсся знакомый развязный голос:

— О, генерал Инь вернулся. Давненько не виделись.

Инь Минчжэну было не до пустой болтовни с этим мажором. Он холодно взглянул на него и уже собирался пройти мимо.

Но именно этот взгляд заставил его замереть на месте.

В ярко-красном кабриолете, на пассажирском сиденье, уютно устроился его маленький принц. Увидев Инь Минчжэна, он радостно улыбнулся и помахал ему рукой.

Раздался треск.

Игровая приставка в руке Инь Минчжэна разлетелась на куски.

Лэ Ююань! Да Ши Цину всего несколько десятков тысяч лет! Он смеет обманывать даже детей

<http://bllate.org/book/15834/1429063>